

УДК 82 (091)

И.В. ДОНСКОВА

(irinadonskova@bk.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

МОТИВ СНА В ПОЭТИКЕ СБОРНИКА Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Рассматривается мотив сна в сюжетной структуре повестей сборника Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», анализируются основные функции сновидений, их эмоциональная составляющая. Выявляется тесная связь снов гоголевских героев с поэтикой волшебной сказки.

Ключевые слова: Гоголь, поэтика, сон, сюжет, мотив, функция, сказочная традиция.

Давно замечено, что в первом сборнике своих украинских повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголь широко опирается на фольклорную сказочную традицию. Быль очень тонко переплетается здесь с фантастикой, реальность незаметно сменяется сказкой. И все же «Вечера» по своему жанровому своеобразию – это не сказки, а повести со сказочной сюжетной основой. Согласно В.Я. Проппу, в основе сюжета волшебной сказки лежит путешествие героя в загробный мир, «тридевятое государство» для выполнения какой-либо трудной задачи и получения за это награды. По сходной схеме построена значительная часть повестей гоголевского сборника.

Одними из мотивов развития действия в сказке являются сновидения ее персонажей. В повестях «Вечеров» сон открывает границу между явью и сказкой, миром реальным и миром потусторонним. Попытаемся выяснить, для чего автор вводит в поэтику повестей мотив сна и каковы его функции в художественной структуре произведений цикла. Представляется целесообразным рассмотреть использование мотивов сна в повестях Гоголя в аспекте рационального и эмоционального. Многочисленные медико-психологические исследования доказали, что зачастую во сне людям приходится переживать не менее сильные эмоции, чем в реальности. Анализ сновидений, начиная с классических работ З. Фрейда, позволяет увидеть, сколь значительна их роль в эмоциональном мире человека. Особенности литературных сновидений посвящено немало исследований. Особое место среди них занимает написанная в эмиграции книга писателя А.М. Ремизова «Огонь вещей. Сны и предсонье» (1954), немалая часть которой посвящена Гоголю.

Ремизов отмечает: «Редкое произведение русской литературы обходится без сна. В снах, не только сегодняшние обрывки дневных впечатлений, недосказанное, недодуманное, <...> в снах дается и познание, и сознание, и провидение, жизнь, изображаемая со сновидениями, разворачивается с века и до века» [7, с. 253]. В повестях первого гоголевского прозаического сборника сон – это не только физиологическое состояние, в котором пребывает организм человека в определенное время, но и особый хронотоп, в котором возможны перемещение персонажей между реальным и волшебным мирами, снятие границ между ними.

Объектом нашего исследования являются повести «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Иван Федорович Шпонька». Весьма плодотворным для анализа фольклорной природы их онейрической поэтики нам представляется подход Ремизова, сформулировавшего тезис о том, что «родина чудесных сказок сон» [Там же, с. 232].

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» сон становится способом перехода главного героя из волшебного мира в реальность. Испытав чувство страха и сильное душевное потрясение, герой впадает в забытие, во время сна из его памяти стираются события страшного убийства: *Выбившись из сил, прибежал он в свою лачужку, и, как снап повалился на землю. Мертвый сон охватил его* [2, с. 106].

Сон позволяет гоголевскому персонажу забыть о «нечистом», потустороннем происхождении его богатства, которое дает ему возможность, подобно сказочному герою, жениться на прекрасной Пидорке. Убивая ее брата, Петрусь не отдавал себе отчет в том, что совершал, в тот момент его разум затмил блеск золота. «Тем самым, – по замечанию современного исследователя, – он переходит нравственную границу, пускается в “странствование” за пределы дозволенного человеку и остаток жизни проводит физически в “этом” мире, тогда как духовно – на “том” свете, в преисподней, с выходцами из которой герой сталкивается в ночь накануне Ивана Купала» [8, с. 44]. Гоголь подчеркивает, что его герой спит, как мертвый. Это сон-забвение, отражающий народные поверья о том, что сон и смерть ходят рядом, означающие, что во время сна можно попасть в загробный мир, чего требует сюжет волшебной сказки. Однако, в отличие от сказки, повесть заканчивается сюжетной катастрофой: «нечистое» богатство превращается в битые черепки, а от героя остается лишь «куча пеплу» [2, с. 110].

В повести «Ночь перед Рождеством» кузнец Вакула, добывший с помощью черта царские черевички, вернувшись из Петербурга, играющего здесь роль сказочного «иног» царства, «вошел в сени, зарылся в сено и проспал до обеда» [Там же, с. 182]. Он, как и Петрусь, сначала засыпает крепким сном, а уже после него возвращается в реальность. Но это другая, чем в предыдущей повести, реальность. Вакула сумел победить нечистую силу с помощью креста и потому обрел личное счастье.

Сну как забвению противостоят у Гоголя вещие сны. Согласно мифологическим представлениям, бытующим в фольклорном сознании, во время сна душа человека покидает тело и путешествует по загробному миру, видит то, что скрыто в реальности. Таковы функции снов в повести «Страшная месть».

Отец-колдун, когда Катерина засыпает, вызывает к себе ее душу: *Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и беспокойна: «Муж мой милый, муж дорогой! чудный мне сон снился!»* — *«Какой сон, моя любая пани Катерина?»* — *«Снилось мне, чудно право, и так живо, будто наяву, снилось мне, что отец мой есть тот самый урод, которого мы видели у есаула. Но прошу тебя, не верь сну: каких глупостей не привидится! Будто я стояла перед ним, дрожа вся, боялась, и от каждого слова его стонали мои жилы. Если б ты слышал, что он говорил... Тут навел он на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась.»* — *«Да, сны много говорят правды...»* [Там же, с. 192].

Читателю повести понятно, что это не просто сон, а козни злого колдуна, который начинает свое «темное наступление» на Катерину. В этом эпизоде сон выполняет две функции: во-первых, предупреждает Катерину об опасности, задает зловещий тон повествованию, подготавливает к трагической развязке, но не спасает от нее; во-вторых, помогает развивать сюжет. Граница сна здесь является границей темной силы – через сны колдун подбирается к Катерине; когда заканчивается сон, заканчивается и его власть [5, с. 278]. Сон позволяет героине проникнуть в трагическое прошлое, благодаря сну Катерина узнает о до этого неведомых ей причинах гибели своей матери. Необычные сны в повести видит не только Катерина, но и ее муж. В ситуации с ним Гоголь использует такой художественный прием, как сон во сне. В своем сне пан Данила видит сон Катерины. Сама Катерина понимает, что границы сна и яви для нее стираются: *Меня сон так и клонит; что, если мне приснится то же самое? Я даже не уверена, точно ли сон был, так это происходило живо* [2, с. 194]. Но колдун так умело манипулирует душой своей дочери, что Катерина наяву не знает и половины того, что знает ее душа.

«Правдив сон твой, Катерина!» – подумал Бурульбаиш [Там же, с. 196]. Сон Катерины можно назвать вещим, пророческим, именно во сне она попадает в иной мир и узнает о замыслах своего отца: *«Как хорошо ты сделал, что разбудил меня! – говорила Катерина, протирая очи рукавом своей сорочки и разглядывая с ног до головы стоявшего перед нею мужа, – какой страшный сон мне виделся! Как тяжело дышала грудь моя! Ух! Мне казалось, что я умираю»,* — *«Какой же сон? уж не этот ли?»* И стал Бурульбаиш рассказывать жене своей все, им виденное [Там же, с. 198]. В своих снах Катерина получает доступ к информации не только о настоящем, но и о будущем, и о прошлом. Именно через сны читателю открывается эмоциональный спектр душевной жизни героев повести.

В повести «Майская ночь, или Утопленница» Левко видит сон в майскую ночь. Его временная обусловленность отсылает нас к традиционным народным представлениям о майских русалиях. В это

время человек может повстречать представителя демонологического мира – русалку, которая является героиней сна Левко. Гоголь погружает своего героя в сон и перемещает в мир сказки, героями которой становятся гонимая сирота-падчерица и мачеха-ведьма. Левко, следуя сказочной традиции, выполняет трудную задачу и получает в награду волшебный предмет. Сон заканчивается возвращением героя в реальность, но границы реального и потустороннего снова размываются, когда Левко видит в своих руках записку, полученную от панночки русалки во сне. В данном эпизоде сон, с одной стороны, выполняет разъяснительную функцию, объясняет возможность происхождения предмета, с которым просыпается Левко. С другой стороны, сон обуславливает счастливую сказочную развязку сюжета повести. Именно наличие волшебного предмета доказывает, что речь идет о увиденном во сне волшебном мире, который является для всех участвующих в этом процессе таким же настоящим, как и физический, но за одним исключением: там есть предметы, которые в физическом мире не существуют. Поэтому они имеют огромную ценность так же, как и люди, способные их достать. Во время сна Левко, по мнению Ю.М. Лотмана, происходит дублирование реального пространства волшебным: «Когда в “Майской ночи” дом сотника – то заколоченная развалина, на месте которой собираются строить винницу, то сверкающие хоромы, становится очевидным, что меняется не он: просто есть около села реальный пруд со старым домом, но в том же месте находится и обычно недоступный людям (попасть к нему можно лишь случайно) другой пруд, с другим домом на берегу. В нем и сейчас — в то же самое время, когда происходит действие повести, — живет панночка-утопленница. Эти два пространства взаимно исключают друг друга: когда действие перемещается в одно из них, оно останавливается в другом» [4, с. 261]. В сказочном сне Левко находят свое сюжетное разрешение такие эмоциональные мотивы повести, как жажда мщения падчерицы мачехе-ведьме и любовь Левко и Ганны.

Не менее существенную роль играют сны в сюжете повести «Пропавшая грамота». Главный герой повести дед впадает в сон будто не по своей воле. Ему после обильных возлияний в шинке чудится серое чудовище, показывающее из-за соседнего воза свои рога, после чего руки у деда окостенели и «крепкий сон схватил его так, что он повалился словно убитый» [2, с. 139]. Сон здесь является завязкой сказочного сюжета о путешествии героя в преисподнюю. После пробуждения деда обнаруживаются сказочные последствия его сна: пропадает запорожец, продавший душу нечистому, а вместе с ним шапка с грамотой, предназначенной императрице. По словам Ремизова, «... Так и бывает во сне: человек “проснулся”, тут-то и жди сказку» [7, с. 232]. В сюжете повести наблюдается такая закономерность: дед попадает в сказочный мир через сон и в реальность возвращается также через сон: *Через пни, через кочки полетел стремглав в провал и так хватился на дне его о землю, что, кажись, и дух вышибло. По крайней мере, что делалось с ним в то время, ничего не помнил; и как очнулся немного и осмотрелся, то уже рассвело совсем: перед ним мелькали знакомые места, и он лежал на крыше своей же хаты* [2, с. 143].

В то время как дед был в отъезде, его бабке тоже снился сон: *печь ездил по хате, выгоняя вон лопатую горшки, лоханки* [Там же, с. 144]. И с тех пор *бабке ровно через каждый год и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуетя, бывало, да и только. За что ни приметя, ноги затевают свое, и вот так и дергает пуститься вприсядку* [Там же]. Ремизов называет данный прием в о з в р а щ а ю щ и м с я с н о м . Бесовское обморачиванье, которое привиделось деду в страшном сне, сказочное диво возвращается уже во сне его жены и проявляется в реальности. Или, как говорит сам дед: *Тебе во сне, мне на яву* [Там же]. Исчезновение границ между миром сказочным и реальным во многом и определяет эмоциональный фон повести.

Одной из самых распространенных отрицательных эмоций, которые испытывают люди во сне, является эмоция страха. Она преобладает в снах гоголевских героев. И даже в бытовой, на первый взгляд, повести «Иван Федорович Шпонька» страх героя перед неизведанным ему состоянием брака выливается в сон с множасьими женами. Для гоголевского героя брак представляется, по мнению Ремизова, как безысходность: «Под глазом жены и напялил на себя жену — безвыходно: “женат”» [7, с. 201].

Однако превращения жен героя во сне в животных и различные предметы носят совершенно сказочный характер: «У этих метаморфоз есть сюжетная мотивировка: они происходят во сне... Превращения жены в гусыню, а тетушки Василисы Кашпоровны в колокольню в целом не выходят за пределы сказочных рамок» [3, с. 87].

Рассмотренные выше сны можно разделить на несколько видов: сон-пророчество, сон-предостережение, сон во сне, сон-сказка. Введение Гоголем в мотивов сна в повести напрямую связано с использованием в цикле традиций сказочной прозы, ведь именно во сне герои либо попадают в волшебный мир, либо возвращаются из него. Далеко не все персонажи реального мира могут жить в волшебном мире сказки (сна), как в мире действительности. Еще реже встречаются те, кто может из этого волшебного мира приносить диковинки, дающие ему власть и богатство. Мир сна для Гоголя есть не что иное, как мир сказки. В гоголевских повестях сон выполняет следующие функции: может быть сюжетообразующим мотивом («Майская ночь...», «Пропавшая грамота»); иногда сон становится структурным элементом текста, а символика сна – распространяется на все произведение в целом («Страшная месть»). Петрусь сон помогает справиться с пережитым эмоциональным потрясением, дает целительное забвение и возможность на мгновение обрести счастье быть вместе с возлюбленной. В данной повести сон, на наш взгляд, выполняет терапевтическую функцию.

У Гоголя сон – это способ, дающий возможность перемещения героев между сказкой и действительностью, путешествия между мирами. Русский философ И. Ильин сказал, что сказка – это «сон, приснившийся нации». Действительно, в сновидениях иногда люди видят сюжеты, похожие на фрагменты сказок или на какие-то древние ритуалы. Сказки, как и сновидения, в некотором смысле обращаются непосредственно к механизмам бессознательного. Именно в сказке (во сне) герои Гоголя переживают целую гамму эмоций: любви, ревности, радости, страданий, страха. В то время, как рациональное и цивилизованное начало в человеке спит, эмоции имеют возможность освободиться от его опеки и выплеснуться наружу. Таким образом, сны литературных героев в сюжетах Гоголя есть особый способ постижения действительности, раскрытия внутреннего мира его персонажей, позволяющий определить истинные мотивы их действий.

Литература

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2. М., 1953.
2. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 1. М., 2003.
3. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. М., 2012.
4. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
5. Прасковья М.В. Образ границы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и народная культура: материалы докладов и сообщений Седьмых Гоголевских чтений / под ред. В.П. Викуловой. М., 2008. С. 275–280.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2004.
7. Ремизов А.М. Огонь вещей / собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 2002.
8. Третьяков Е.О. Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014.

DONSKOVA I.W.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

MOTIVE OF A DREAM IN POETICS OF THE COLLECTION OF N. V. GOGOL “EVENINGS ON THE FARM NEAR DYKANKA”

In article the motive of a dream in subject structure of stories of the collection of N. V. Gogol “Evenings on the farm near Dykanka” is considered, the main functions of dreams, their emotional component are analyzed. Close connection of dreams of Gogol heroes with poetics of the magic fairy tale is shown.

Key words: Gogol, poetics, dream, plot, motive, function, fantastic tradition.